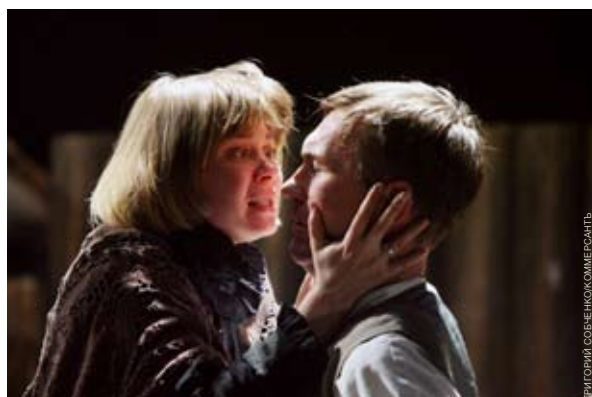

Как в воду глядела

МАГНИТОГОРСКАЯ «ГРОЗА» НА «ЗОЛОТОЙ МАСКЕ» разбирает ТАТЬЯНА ДЖУРОВА

Мир российской глубинки получился у режиссера **ОЧЕНЬ ЯЗЫЧЕСКИМ:** ДИКИМ, БЕЗЖАЛОСТНЫМ, НАИВНЫМ, ЖАДНЫМ ДО ПЛОТСКИХ УТЕХ

ПЕТЕРБУРГСКОГО РЕЖИССЕРА Льва Эренбурга интересуют пограничные состояния психики, его привычно называют патологоанатомом человеческих душ. В самом деле, Эренбург режет по живому и диагноз человечеству ставит самый неутешительный, кем бы ни занимался — Ануем, Горьким или Островским. Но вряд ли у какого-либо другого постановщика «горькая правда» выглядит такой праздничной, острой и соблазнительной, как у циника и мизантропа Эренбурга. Крайние состояния и повороты психики его актеры из Небольшого драматического театра отыгрывают так весело и яростно, словно через них пропустили электрический разряд. А гипернатуралистичные зарисовки — совокупления, попойки, мордобой — превращают в нетривиальные акробатические трюки.

Не исключение и «Гроза», поставленная в магнитогорском Театре им. Пушкина и два года назад получившая «Золотую маску» в номинации «Малая форма». А твор-

ческому альянсу, сложившемуся между Эренбургом и магнитогорскими актерами, могут позавидовать его собственные ученики. «Гроза» родилась так же, как и петербургские спектакли Эренбурга, — из самостоятельных актерских этюдов. Позже мастер отобрал лучшие из них и отредактировал. Но вольный дух импровизации в спектакле остался, и его почувствует любой. Все самое интересное в «Грозе» происходит между строк пьесы Островского. Спектакль открывает ставшая уже хрестоматийно знаменитой сцена в бане — бессловесная, похожая на ритуал с участием всех домочадцев Кабановых. Здесь мать подстригает Тихону ногти на ногах, жена намыливает спину, а прислуга венками изгоняет из него мужскую «хворобу». Но сразу и не поймешь, кто есть кто. «Индивидуальное» растворено в «семейном». Плоть, гармония телесного контакта торжествует, кажется незабываемой. Но стоит лишь Тихону прикоснуться к Катерине — ту буквально тошнит от прикосно-

вения мужа, мнимая семейная гармония сразу рушится.

Главным героем спектакля Эренбурга оказывается тело, естество. И бунт молчаливой, незаметной Катерины (Анна Дашук) — это тоже бунт естества. Мир российской глубинки получился у режиссера очень языческим: диким, безжалостным, наивным, жадным до плотских утех. То есть узнаваемо современным. Веру заменяет водка. Религию — магический обряд. Служанка Глаша (Лера Лямкина) засовывает себе под юбку баранки, надевает овчинный тулуп и танцует в нем до изнеможения, пропитывая своим потом — чтобы приворожить бессильного Тихона (Владимир Богданов). В замечательной эротической сцене Варвары с Кудряшом (Лариса Меженная и Сергей Хоруженко) эти двое с яростным аппетитом каннибалов вгрызаются в сочное яблоко, а потом катятся по берегу Волги, так же вгрызаясь друг в друга, сдирая одежду, превращаясь в жадный клубок

конечностей. При этом несчастны, неудовлетворенны все, от «сухаря» Кабановой, исподволь кидающей жадные взгляды на Кудряша, до вечно пьяного, почти безумного Дикого.

Возможно, «Грозе» Эренбурга, где каждый герой заперт в клетку страстей и раздираем ими, не хватает какой-то духовной вертикали. Но ее дефицит компенсирует замечательная сценография Алексея Вотякова. Он расположил в глубине сцены, за деревянным частоколом, настоящий резервуар с водой, а на потолке над ним — зеркало; так что вода, тот самый манящий речной омут, на протяжении спектакля видна словно бы отраженной в небесах. В нее мочатся, кидают яблочные огрызки, окунают разгоряченное тело. Но туда же, за манящую, загадочную зеркальную гладь в финале уходит и Катерина. Это придает спектаклю скупую, но необходимую и достаточную толику мистической глубины.

Балтийский дом, 20 и 21 сентября, 19.00